

Гидо Пальярино

Судья и ведьмы

Роман

© pagliarino

Guido Pagliarino
Судья И Ведьмы

«Tektime S.r.l.s.»

Pagliariino G.

Судья И Ведьмы / G. Pagliarino — «Tektime S.r.l.s.»,

В году 1530 Паоло Грилланди, папский судья, председатель мирского суда в Риме, ведет дознание об одном туманном убийстве и гнусном похищении; по ходу следствия ему удастся пролить свет на грязные делишки некоторых высокопоставленных особ, которые прирастились к сатанизму, убийствам и самым зверским половым сношениям, и восстановить наконец справедливость, но и сам он порядком обжигается. Грязных негодяев, которые совершили не одно лишь, а целый ряд преступлений, по статьям закона тех времен он приговорит к смерти на костре, но все же долгим, опасным и не лишенным покушений на его жизнь окажется путь, который магистрату придется пройти, чтобы отыскать доказательства по делу. В то же время, благодаря личному опыту и некоторым встречам, происходит его обращение из безжалостного преследователя ведьм в человека, охваченного сомнениями и состраданием. В обстановке охоты на ведьм в эпоху Возрождения читатель, среди прочих эффектных сцен, столкнется с поединком на мечах с самим чертом. В году 1530 Паоло Грилланди, папский судья, председатель мирского суда в Риме, ведет дознание об одном туманном убийстве и гнусном похищении; по ходу следствия ему удастся пролить свет на грязные делишки некоторых высокопоставленных особ, которые прирастились к сатанизму, убийствам и самым зверским половым сношениям, и восстановить наконец справедливость, но и сам он порядком обжигается. Грязных негодяев, которые совершили не одно лишь, а целый ряд преступлений, по статьям закона тех времен он приговорит к смерти на костре, но все же долгим, опасным и не лишенным покушений на его жизнь окажется путь, который магистрату придется пройти, чтобы отыскать доказательства по делу. В то же время происходит его обращение из безжалостного преследователя ведьм в человека, охваченного сомнениями и состраданием, благодаря личному опыту и некоторым встречам, а в первую очередь благодаря молодому, высокообразованному епископу Микели, который в числе немногих священнослужителей в те времена борется с фанатизмом во имя любвеобильного Божьего благоразумия. В обстановке

охоты на ведьм в эпоху Возрождения, помимо различных неожиданных поворотов событий вплоть до последних страниц, читатель, среди прочих эффектных сцен сюжета, столкнется с поединком на мечях с самим чертом, разграблением Рима, встретится с философами и магами-гностиками, рабами, разбойниками, святыми и бесноватыми в Италии, где уже близится Тридентский собор, стране, отличной от современной, и все же в какой-то мере похожей. Задействованы в этом романе историческом, но с детективным разворотом, величайшие персонажи вошедшие в большую Историю, а также персонажи менее известные, такие как адвокат Понцинибио, который выступал против жестокостей, применяемых как католической инквизицией, так и в протестантских религиозных судах, и личность которого намного предваряет личности таких противников смертной казни, как Беккария; вошли в роман и такие реальные персонажи, как бесноватый Балестрини, и наводящий ужас инквизитор доминиканец Спина. Да и сам главный герой Грилланди является исторической личностью, хотя на самом деле речь шла о фанатичном адвокате, преследователе ведьм, а не о папском судье. В числе вымышленных персонажей встречаем Мору, юную и покорную любовницу судьи, которая хранит страшные, будоражащие душу тайны, она не второстепенная героиня, поскольку именно она полностью раскрывает магистрату дело. Помимо нее также вымышленными персонажами являются двуличный кавалер Ринальди и приспешник ада князь Бьянкакоче, образ которого остается на втором плане и ни разу не выходит на первый план, как подобает великим кукловодам: это своего рода незримый главарь мафии, который сделал своим замком действующего в открытую Ринальди. Епископ Микели – тоже вымышленный герой, но он вобрал в себя образы высокопоставленных священнослужителей, которые существовали на самом деле: Поул, Садолето и Мороне; инквизиция обвинила их в ереси, так как они проповедовали евангельское милосердие против жестокостей инквизиторов; также вымышленными являются персонажи священника (приходского) из Гроттаферраты, наемного убийцы Тралло, фехтовальщика Фуэнтеса Виллаты, главаря разбойников и брата Мариетты, судьи Салати и лейтенанта Риссоли. В романе отражается менталитет XVI века, ведь, как известно историкам, когда мы заглядываем в прошлое, надо как можно тщательнее устранить современное восприятие, иначе есть опасность вынести не исторические суждения; например, смертная казнь сегодня, как правило, считается вещью ужасной, а в XVI веке она воспринималась как наказание бесспорное, и полагали, что раскаявшийся убийца смертью искупает все свои грехи и таким образом возносится в рай; вот почему один из персонажей, епископ Микели, хотя и является он идеалистом, не достигает отрицания смертных приговоров за убийство, более того, он одобряет сожжение на костре, к которому судья Грилланди приговаривает раскрытую и арестованную сатанинскую преступную группу в конце романа.

© Pagliarino G.
© Tektime S.r.l.s.

Содержание

Предисловие автора к первым двум изданиям на итальянском языке	9
Глава I	10
Глава II	13
Глава III	16
Глава IV	19
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гидо Пальярино Судья и ведьмы

Copyright © 2019 Гидо Пальярино

Все права защищены

Книга опубликована издательством Тектайм

Тектайм С.р.л.с. – улица Армандо Фьоретти, 17 – 05030 – Монтефранко (ТР)

Гидо Пальярино

Судья и ведьмы

Роман

*Гидо Пальярино
Судья и ведьмы
Роман*

Перевод с итальянского Татьяны Кузнецовой

Copyright © 2019 Гидо Пальярино

*Предоставляется в продажу издательством Тектайм
Рукопись отредактирована автором в трехлетие 1990-1992 гг.
Издания на итальянском языке:*

*1^{-ое} «Одно дознание XVI века», Copyright © 2002-2006 гг.,
издательство Проспеттива с.а.с.*

*2^{-ое} издание, только бумажная книга под названием «Судья и ведьмы»,
Copyright © 2006 г.-ноябрь 2011 г. издательство Проспеттива с.а.с. – с декабря 2011 г.
Copyright © Гуидо Пальярино*

*3^{-е} издание под названием «Судья и ведьмы (Одно дознание XVI века)» в электронном и
бумажном формате, издательство Криэйт Спейс,
Copyright © 2016 Гуидо Пальярино*

*4^{-е} издание под названием «Судья и ведьмы», издательство Тектайм,
© 2017 Гуидо Пальярино*

Предисловие автора к первым двум изданиям на итальянском языке

События этого романа развиваются в эпоху религиозной истерии, охоты на ведьм, когда женщина считалась вещью, несмотря на афиширование христианской заповеди любить ближнего и на установление новозаветной концепции «нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе».

Вопреки повествовательному характеру романа, я попытался погрузиться в умонастроения шестнадцатого века. Ученые-историки знают, что, когда заглядываешь в прошлое, надо как можно тщательнее устранить современное восприятие, иначе рискуешь вынести не исторические суждения. Например, смертная казнь сегодня, как правило, считается ужасной жестокостью, а в XVI веке она воспринималась как наказание самоочевидное, и полагали, что раскаявшийся убийца смертью искупает все свои грехи и таким образом возносится в рай. Но, как мы увидим далее, уже были люди, которые выступали против пыток гораздо раньше Беккарии.

В повествование вошли как персонажи вымышленные, так и жившие на самом деле. Сам главный герой – историческая личность, имя которого осталось в веках благодаря трактату против колдовства. Мы знаем, что он был адвокатом. Судьей при папе, как я вообразил в романе, он вроде бы не был. Я нарисовал его человеком, лишенным самоиронии. Я попытался вставить иронию и произвольный юмор – черный – в некоторые его поступки, в некоторые описания его образа и в рассуждения. Адвокат Понцинибио и ужасающий доминиканец Спина тоже были реальными личностями, а вместе с ними, конечно же, эпохальные исторические лица, о которых я упоминаю в произведении. Даже бесноватый Балестрини существовал на самом деле, только жил он в Пьемонте, а не в Лацио: его случай сегодня можно было бы назвать патологической ложью и шизофренией со склонностью к самоубийству. А вот молодой епископ Микели – выдуманный персонаж, хотя он срисован с образов некоторых высокопоставленных прелатов, которых обвинили в ереси потому, что они проповедовали евангельское милосердие, это кардиналы Поул, Садолето и Мороне. Также вымышленными героями – и второстепенными – являются Мора, кавалер Ринальди, князь Бьянкакроче. Князя я все время держал на втором плане, грозной фигурой.

Замысел романа пришел мне в голову после поиска сведений об охоте на ведьм, чтобы понять, по крайней мере, историко-социальные причины таких зверств в зените эпохи Возрождения. Найденные сведения я кратко изложил в рассуждениях адвоката Понцинибио, епископа Микели, кавалера Ринальди и с определенного пункта романа в соображениях главного героя.

Guido Pagliarino

Глава I

В лето Господне 1517 меня, Паоло Грилланди, двадцати шести лет от роду, законоведа, назначили судьей a latere римского суда, где я начал усваивать от верховного судьи Астольфо Ринальди делопроизводство судебных процессов против всех злоумышленников, а в первую очередь против прислужниц зла, называемых ведьмами.

Уже задолго до моего поступления в магистратуру, с тех пор как Иннокентий VIII в 1484 году обнародовал буллу «Всеми силами» и тем официально дал добро на войну с колдунями и колдуньями, уточнив, как их распознать, процессов за колдовство совершилась неисчислимое премножество. Его Святейшество понял, что число людей, мужчин, а прежде всего женщин, которые пристрастились к колдовству, вельми умножилось, и посему объявил, что «всецело надлежит жалости и снисхождения к ним не проявлять». Результаты буллы произвели похвальные, свершилось великое множество приговоров приспешникам сатаны, которых обезвредили заключением в застенки и кострамы.

Незаменимую помощь нам оказал и оказывает «Молот ведьм», тот молот против ведьм, который ученые доминиканцы Шпренгер и Крамер написали в 1486 году по поручению Иннокентия VIII и в котором расписаны все случаи ведовства и даются указания, как распознать и наказать слуг черта. К сожалению, несмотря на успехи, дьявол приложил еще большие старания и породил колдуний и колдунов еще большим числом: чудилось, что их становится тем больше, чем больше вершится процессов над ними. Так, по крайней мере, я полагал. Поистине, большинство подследственных признавалось без надобности пыток; более того, одна подследственная, та Эльвира, которой мне ввек не забыть, отступила предо мною даже так, что мне и угрожать-то ей не пришлось. Ее передали нам в руки с обычной формальной челобитной о помиловании от нее. Мы знали, что челобитную принимать во внимание нельзя, так как иначе нас самих отдадут под суд: оставалось всего лишь определить наказание, как только она признается. На женщину пришел донос из-за сглаза некоему Ремо Бруначчи, селянину из Гроттаферраты, где жила и Эльвира. Премного ценным стало свидетельство приходского священника так, что помимо подсудимой допрашивать прочих односельчан надобности не стало: ведьма колдовством оставила Бруначчи без мужского члена, и Бруначчи тайно поведал об этом протоиерею. Протоиерей приказал ему опустить штаны и проверил лично: да, действительно, показал он потом на суде, члена не было. Тогда он велел прихожанину совершить покаяние: поститься и пить освященную воду, молясь небесам, чтобы ему вернули отобранное. Чтобы кающийся смог лучше сосредоточиться на молитве, протоиерей запер его в пустовавшей каморке у себя дома, поставив ему ведро с освященной водой, где продержал его день и ночь. Когда священник наконец отпер дверь, он осмотрел селянина еще раз, и оба они к великой радости и удивлению Ремо увидели, что мужской член на месте; священник отпустил Ремо, и тот разнес про исцеление по всей деревне. После чего в инквизицию поступила анонимная грамота, за которой последовала официальная грамота протоиерея.

Я в те времена принимал такие доносы с сочувственным негодованием. Ведь моей семье тоже пришлось зело натерпеться от одной ведуньи. Мне было девять лет, я выучился чтению, письму и счету и уже помогал в ремесле своему отцу, оружейному мастеру, когда моя мать, которая всю жизнь славилась отличным здоровьем, вдруг слегла от злокачественной лихорадки и умерла. Я был единородным сыном несмотря на то, что мои родители жаждали иметь много детей, чтобы приставить их к семейному ремеслу. Не раз мама с плачем повторяла моему отцу, что это, должно быть, повитуха, которая принимала меня, учинила препятствие: у мамы с ней через несколько месяцев после моего рождения вспыхнула ссора из-за развешенного сушиться белья, и повитуха должно быть наслала на нее порчу: всякому ведомо, что все целительницы и повитухи подозреваются в колдовстве из-за их же занятия; в том же

«Молоте ведьм» указано на этих женицин как на потенциальных ведьм. Мои родители страшились, что повитуха и на мне отыграется, и говорили о порче всегда и только между собой. К сожалению, как-то вечером, когда двое подмастерьев сидели с нами за столом, что составляло часть их заработка, отец мой сильно подвыпил, и охватила его величайшая тоска. Язык у него развязался, и он поведал секрет. Пусть не оба, а один из подмастерьев, должно быть, разнес его слова по деревне. Так, через два дня повитуха подступила к моей матери у двери дома и злорадно прошипела, что такой как она, грязной сплетнице, напастей и надо. Через месяц из-за колдовства той проклятой ведьмы моя мать скончалась. Мой отец от горя и угрызений совести потерял рассудок, будто бы это он спровоцировал ответ колдуньи; первым делом самолично избил подмастерьев, как будто это могло вернуть ему возлюбленную жену и как будто изначальной причиной случившегося было не его опьянение. Он исполнился ненавистью и вконец утратил страх, и на похоронах всенародно обвинил повитуху в ведовстве; с другой стороны, сам факт, что она не пришла на похороны помолиться за усопшую, уже был обвинением. Священник уведомил инквизицию; однако же ведунью кто-то предупредил, скорее всего сам дьявол, и она скрылась навсегда и осталась безнаказанной. До того момента я лишь лил слезы да тупо сидел и молчал. Когда я узнал, что душегубка сбежала, я взорвался:

– Я, когда вырасту, сам ее отыщу! – прокричал я отцу. – Сожгу на костре ее и всех таких, как она!

Я ни разу не отступил от своих слов и так часто повторял их дни и недели, что мой отец, который тоже жаждал возмездия, посоветовался с приходским священником. Так, меня послали в обучение на законоведа. Но каждый раз, когда у меня появлялась возможность, я продолжал работать в мастерской Грилланди. Вот почему со временем от буханья кувалдой по мечам правая рука у меня сделалась мускулистой, почти вдвое сильнее левой. Через пару лет мой отец женился на одной бездетной вдове. Всего лишь через несколько месяцев после свадьбы у жены его случились страшные боли в животе, и сколько-то дней спустя она умерла. Отец мой женился в третий раз, на двоюродной сестре. С ней он зачал девочку, но при появлении на свет ужасный плод оказался двухголовым, и во время родов в страшнейших муках умерли и мать, и дочь: мать умерла из-за неизлечимого разрыва двойной головкой новорожденной, а дочь из-за того, что не задышала. Ведьма издали продолжала насыщать порчу на всех женицин моей семьи. Мы стали ненавидеть ведьму еще пуще, насколько возможно. Когда я выучился, мой отец, как водится, при заступничестве священника умаслил власть имущих значительными суммами и купил мне должность судьи. Даже приходской иерей получил пожертвование. У родителя моего не осталось ни денег, ни серебра, ни мечей; так, чтобы купить материалы на ковку новых мечей, ему пришлось занимать денег в меняльной лавке. Но я с годами возместил отцу истраченное, отдавал ему десятую часть каждого моего жалованья.

Убийцу моей матери и моих мачех никогда не нашли, но каждый раз, когда мы арестовывали ведьму, сердце мое ликовало. Помню, что в тот день, когда к нам привели Эльвиру, я в присутствии Астольфо Ринальди воскликнул:

– Надо же, отымать строгалку у порядочного человека! Эх! Но правосудие свершится.

Судейский голова усмехнулся, что я истолковал как: «Да, сейчас мы ею займемся»; а он добавил:

– Боккаччо.

Я знал, что он был большим почитателем «Декамерона», того сочинения, которое в эпоху, до того как в 1559 году Павел IV включил фолиант в список запрещенных книг, можно было читать свободно; но тогда я труда еще не читал и не понял, что имел в виду судья; а спросить озарения не посмел, дабы не выставить себя неучем. Что до меня, мне нравились строгие труды, перво-наперво Дантов «Ад», который мне представлялся почти что символом моих доблестных усилий против лукавого и против тех, кто затерялся в его «сумрачном лесу».

Эльвиру схватили и бросили в темную по всем правилам. Предводитель жандармов с двумя вооруженными стражниками и доминиканским инквизитором постучал к ней в дверь. Как только она открыла, ей заткнули рот, не дав времени произнести ни слова, связали, привезли в Рим и тут посадили на хлеб и воду в темницу инквизиции в ожидании открытия дела. После религиозного процесса, ее передали нам на мирской суд, на котором присутствовали, кроме меня и Ринальди, инквизитор с двумя свидетелями, Бруначчи и приходской священник, которых мы уже допрашивали. Все мы были скрыты от глаз подсудимой, но так, чтобы мы-то могли видеть ее и говорить с ней через специальные проемы. Около ведьмы стояли только тюремщицы. Я немедленно по наказу Ринальди нацелился на высшее доказательство – признание. Подследственную связали, раздели и поставили так, чтобы для пытки иметь доступ ко всем частям ее тела. Как только она услышала мой голос, еще до того, как я пригрозил ей пыткой, Эльвира во всем призналась. Я не удивился: мы знали, что она поступила также и на допросе инквизиции. Она сказала мне, что она ведьма вот уже четырнадцать лет, ответила на мои точные вопросы согласно казуистике «Молота ведьм», призналась, что губила и портила скот и урожай; что убивала мужчин и мальчиков; что смазывала себе срамное место волшебной мазью; что потом садилась на ручку метлы и таким манером летала на шабаш с чертями, в котором участвовал сам князь тьмы, а она с другими злодейками поклонялась ему; и что лукавый, после того как помощник сзади поднял ему хвост и все присутствовавшие как должно в знак почести поцеловали его в вонючую клоаку, совокуплялся с каждой ведьмой по влечению естественному и в то же время противуестественному при помощи своего двойного мужского органа; что она колдовством держала в клетке, никому не видимыми кроме нее и дьявола, мужские члены всех заколдованных ею мужчин числом более двадцати, и те органы прыгали по клетке как живые птички и ели овес и пшеницу; и что дьявол время от времени прилетал к ней подивиться на них для потехи. Наконец я спросил у нее, представал ли пред нею Люцифер в своем пресловутом обличье «красавца Лодовика», то есть таким, каков он описан в «Молоте»: «мужщиной во всем обличье, опричь гусиных ног, вывернутых назад». Она ответила да. Злоумышленницу, которая призналась в грехах, а к тому же во всякого рода злодеяниях, наперво в убийствах христиан и членовредительстве, как можно было не осудить на костер? Но, с другой стороны, раз она призналась без промедления, ей предоставили великую милость быть задушенной прежде, чем разожгут огонь. И все же, уже стоя у столба, за мгновение до того, как палач задушил ее веревкой, которой ее привязали за горло, она прокляла нас всех. Я тогда не придавал особого значения, я знал, что признание есть высшее доказательство; и я был, как всегда, горд, что сослужил добрую службу Богу и через него памяти моей матери.

Я настолько уверовал в страшнейшую опасность колдовства, что некоторое время спустя в 1525 году напечатал «Трактат о колдунах» как документальное обоснование и предостережение. Этот труд – увы! – возвысил мою славу при папской монашеской инквизиции.

Но во имя истины я должен добавить вот что: в горести своей я не уразумел, что дьявольские явления всегда были и есть одна лишь видимость. Более того, я лично с заледеневшим сердцем присутствовал однажды при случае несомненной одержимости бесом, о котором я расскажу позже; и без сомнения на одном процессе, о котором я тоже поведаю, подсудимые были самыми настоящими прислужниками сатаны. Но все-таки нынче я убежден, что большей частью колдуньи и колдуны таковыми не были, а потому я почти каждый раз ошибался.

Глава II

Сомнение начало закрадываться через пять лет после публикации моего тома.

Шел поздний послеполуденный час в один теплый день в конце зимы, солнце почти склонилось к закату. Я по привычке возвращался домой пешком и остановился на большом съестном и тканевом рынке, который занимал всю площадь перед зданием суда. В тот час лавки начинали закрываться, и можно было купить съестного за меньшую плату. Я купил жирную живую курицу, распорядился умертвить ее и понес домой, держа за лапы в правом кулаке свисавшую передо мной тушку, а левой рукой сжимал рукоятку своего меча, как делал всегда, когда шел по улице. Я, как подобает сану, старался шагать с видом человека гордого и влиятельного, несмотря на смехотворно болтавшуюся курицу; и все раскланивались со мной по долгу учтивости и поднимали шляпы как на площади, так и на остальном пути до дому; кроме... Так вот, один незнакомый отрок – а я уже почти входил в дверь дома – не уступил мне дорогу! Более того, он толкнул меня и убежал, не попросив прощения и не обратив внимания на мой оскорбленный возглас: «Щенок!»; а вдобавок, когда он уже отбежал на много локтей и скрылся в толпе, мне пришлось еще и позорно стерпеть ясно слышанную мерзкую имитацию пускания ветров. Лишь позднее я осознал, что это небеса предостерегали меня от моей гордыни, а возможно и возвещали о посетителе, которого я принял чуть позднее; но в тот момент я посинел от злости.

Когда я пришел домой в свою квартиру недалеко от суда, где я жил один со слугой, и утихомирил гнев, сполоснув голову холодной водой, я велел слуге хорошенько пропечь курицу в печи. Был не сезон, иначе я приказал бы зажарить ее в соусе из того новоявленного фрукта, который кое-кто называет «помо-д'оро», золотое яблоко, но он, наоборот, когда созревает в самый раз, цвета адски-красного до такой степени, что, как мне донес несколько месяцев назад один соглядатай, народишко – понятно, когда уверен, что никто не подслушивает – называет это отменное яство «курицей по-бесовски» или точнее именуется на своем простецком диалекте «эр-полло-а-ля-димония», но демонологи, которых я тотчас же испросил, распробовали блюдо с особым прилежанием да не один раз и заключили, что к этому превосходному кушанью лукавый никого отношения не имеет и что любой христианин может безгрешно употреблять его, лишь бы не грешил обжорством¹.

Я только что переоделся для своего удобства в домашнее платье и сел за письменный стол в своем кабинете в ожидании ужина, намереваясь продолжить прерванное чтение «Неистового Роланда», как в дверь постучали.

Слуга объявил мне о приходе адвоката Джанфранческо Понцинибио. Это он был проклятым автором трактата против охоты на ведьм, который напечатали десяток лет назад и который я не читал, но знал о нем по жгучим нападкам теолога Бартоломео Спины, доминиканца и страстного преследователя колдуний, о которых говорится в его «О ведьмах», который напечатали через два года после нечестивого тома. Своей критикой монах поставил неразумного адвоката в очень опасное положение также и потому, что Спина был важным сановником при дворе Медичи из Милана, к нему прислушивались, и именно в том 1523 году Медичи избрали папой под именем Климента VII, и он сразу возвысил Спино до кардинала, а вскоре и до звания великого инквизитора.

¹ Хотя я говорю здесь о томатном соусе, который главный герой и вместе с ним многие другие очень любят, речь идет о моей литературной вольности. Фактически же, как учит экономическая и общественная история, помидор долгое время считался декоративным растением, так как подозревали, что он настолько ядовит для людей, что даже в 40-ых годах XVI века собиратель лекарственных трав Пьетро-Андреа Маттиоли внес его в разряд ядовитых растений. Только в конце XVIII века в Италии и во Франции помидор начали выращивать для употребления в пищу. – Прим. авт.

Тут же надо сказать, что в то время я более не был несведущим магистратом, а уже все в римском суде были у меня, верховного судьи, в подчинении, а к тому же три года назад уважение ко мне у Климента возвысилось. Дело в том, что во время разграбления Рима, которое учинила солдатня императора в 1527 году, я с риском для жизни позаботился о спасении документов текущих процессов и по возможности прошедших. Именно из-за этой моей влиятельности в суде, как я понял, и обратился ко мне Понцинибио. Он осмелился прийти ко мне, потому что в то время уже был под протекцией другого доминиканца, сурового монсеньора Габриеле Микели, всего лишь двадцати шести лет от роду, но очень высокообразованного, влиятельного и вельми чтимого в Риме.

Из уважения к епископу, которого между прочим уже тогда считали святым, я принял Понцинибио.

В своем трактате адвокат отрицал существование шабашей и полетов на метлах и осуждал применение орудий пыток во время допросов. Так вот, кажется невероятным, но как только мы поздоровались, он оставил в стороне прочие любезности и завел речь:

– Даже вы, Ваша милость, признались бы, что вы колдун, если бы вам терзали яйца раскаленными клещами!

Я страшно вознегодовал его словам: как он смеет так разговаривать со мной, без учтивых вступлений, не проявляет должного уважения, без обиняков? Терзали яйца, мне?!

– Знайте же наверняка, ваша ученейшая милость, – отвечивал я ему, нахмурившись, но голос мой не утратил любезного тона, и я ничуть не стушевался, – что многие ведьмы признаются не только не претерпев пыток, а даже когда угроза пытками еще и не прозвучала.

Я преувеличивал, ведь повела себя так лишь Эльвира; но я помнил о всестороннем подтверждении, которое она сумела дать моему разуму, который, впрочем, уже уверовал в колдовство целиком и полностью.

– Если позволите, выюкообразованнейший судья, – продолжал утопист, как будто не слышал, – я забегу на несколько веков назад, чтобы дать понять лучше.

Опять дерзит! Я приказал было своему слуге выгнать его вон, но вспомнил о distinguished личности его покровителя и сдержался.

– Вернемся к началу десятого века, – продолжил он, – к манускрипту монаха Регино Прюмского, который сегодня находится в руках мудрого отца монсеньора Микели, то есть к копии «Епископского канона», который в свою очередь предшествует манускрипту на много веков.

– «Епископского канона», – эхом отозвался я, начиная утрачивать интерес. – Первых веков церкви?

– Да. Вы можете почитать труд у его теперешнего владельца, посланником которого я к вам прибыл; а тем временем, если позволите, я вам о нем кратко расскажу.

До сего момента сесть я ему не предложил, и он стоял на ногах в двери моего кабинета. Когда я узнал, что его прислал столь могущественный протектор, я возлюбопытствовал, пригласил его присесть и сам устроился напротив.

– Магия и колдовство, – вернулся он к теме, как только сел, – идут в истории за человеком по пятам с эпохи гораздо ранней, чем христианская. Колдовские ритуалы описаны в древней литературе, например у Апулея, а ныне их снова читают и изучают утонченные эрудиты; кроме того, открытие и изучение древнейших текстов, таких как «Герметика» и «Каббала» Марсилием Фичином и Иоанном Пико из графского семейства Мирандолы и Конкорди...

Я оборвал его, опять в сердцах:

– Ваша ученая милость, все эти тексты говорят правду – увь! – и все это прекрасно знают, даже такие бедные неучи, как сидящий перед вами верховный судья, который терпеливо слушает вас; но, раз уж на то пошло, они призывают быть еще более бдительными

и обороняться. Сомнений нет, дьявол орудует на протяжении всей истории! Думаете, что говорите мне что-то новое? И думаете, что я не знаю, например, об Аэндорской ведьме, что жила в древнейшие времена и предсказала несчастье царю Саулу? – добавил я, чтобы показать свою эрудицию, я привел в пример первый пришедший мне в голову случай; засим вперил в него взгляд и скривил книзу рот, чтобы заставить его опустить глаза; но он их вовсе не опустил, а улыбнулся мне; потом согласно кивнул головой, как бы извиняясь, тотчас поднял голову и снова рек:

– Помилуйте, господин судья, ведь это было всего лишь невинным вступлением. Я вовсе не сомневался в вашей учености.

Я выразил, что принимаю его извинения, кивком головой на более краткий миг, чем он:

– Давайте дальше про «Епископский канон», – велел я ему, – а то я не буду вас больше задерживать, – и забарабанил пальцами правой руки по подлокотнику кресла, чтобы придать больший вес своим словам.

Понцинибио затараторил так быстро, что слова его почти сливались:

– В «Каноне», прошу помиловать, ваша честь, утверждается, что существуют недобрые женщины, которые полагают, что по ночам они скачут на животных бок о бок с богиней Дианой и за кратчайшее время удаляются на большие расстояния и в тайные места, где вместе с перевоплотившимися духами совершают богохульные ритуалы, но подчеркивается, что речь идет всего лишь о галлюцинациях или сновидениях, которые насылает черт, чтобы завладеть человеческим разумом; и знаете как постанавливается исцелять сии видения? – он не дал мне времени заговорить и продолжил. – Покаянием и молитвой. Так говорится в «Каноне», и так делала церковь до самого 1000 года; а после проходит сколько-то лет, и на тебе: из прочих документов монсеньора Микели вытекает, что век спустя большинство духовенства, вопреки разуму, уже признает внеличностную реальность фактов, а весь народ в них совершенно уверен: колдовство дьявола, его самоличное появление – его можно лицезреть – на шабашах ведьм и колдунов с течением веков подвергается сомнению все менее.

– Так и есть, сомнений тут не возникает; и если кто-то будет мыслить по-иному, это может дорого обойтись, – строго отозвался я. Я едва собирался пригрозить Понцинибио, как опять вспомнил о его могущественном протекторе и промолчал, а к тому же понял, что он именно так непотребно и думает.

На мое молчания адвокат отозвался:

– Так что же, ваша праведная честь, может снисходительное отношение «Епископского канона» указывает, что наши отцы древности были людьми недалекими? Может ли быть, что когда до одиннадцатого века, до тех пока пытки были запрещены, и всем последственным гарантировался справедливый процесс, – и Понцинибио, пристально глядя мне в глаза, подчеркнул тоном голоса слово «справедливый», – ведьмы и колдуны были совершенно второстепенным явлением, а позднее число их преумножилось настолько больше, что ныне они считаются одой из самых вящих опасностей? То, что считается снадобьем, не стало ли наоборот прикровением? Как я уже сказал, кто же в силах противостоять мукам или даже лишь ожиданию мук и не объявить себя злодеем? Может ли быть, что в недавние века, когда так стараются прославлять ученость и особо в этом усердствуют, утратился рассудок, который был славой христианства первого тысячелетия? – Наконец он завершил, – Монсеньор Микели молится за вас и страстно желает встретиться с вами, господин верховный судья. Он будет ждать вас в ближайший четверг в своем доме через два часа после восхода солнца. Что мне ему передать?

– Повиновение мое монсеньору полно и беспредельно. Передайте ему эти мои слова и скажите, что приду.

Глава III

Шло утро следующего дня. До моей встречи с монсеньором Микели оставалось еще двое суток.

Я исполнял важное поручение, несомненно по приказу папы, так как дал мне поручение сам блистательный Турибио Фьорилли, князь Бьянкакоче, мирской представитель папы.

Я надеялся довести поручение до конца в ранние послеполуденные часы, чтобы после пойти, как пообещался, к престолюдинке Море, она была гораздо моложе меня, ей едва исполнилось двадцать три года, у нее были черные, пышные волосы, а лицом и статью она походила на русалку; я втайне содержал ее и прелюбодействовал с нею, никогда никому о ней не поведав из опасения тяжелейших наказаний. Ведь я не знал, кому можно доверять, а в те времена еще не постановили ввести исповедальни, которые после Тридентского собора гарантировали кающемуся хоть какую-то анонимность.

И все же я сильно сомневался, что сумею исполнить свой долг вовремя, чтобы бежать к моей Море, хоть и припозднившись.

В душе у меня трепетало необъяснимое беспокойство.

Шагали со мной – все пешком, так как продирались мы сквозь дебри высокоствольного сумрачного леса – один из моих судей а latere Веньеро Салати, шестеро сопровождавших жандармов, а впереди меня открывал путь своим мечом среди ветвей и зарослей лейтенант-командор судебной стражи, Анджело Риссони.

Мы все знали, что преткновения церкви наконец найдут решение, если только мы сумеем в нашем предприятии: протестантская ересь будет истреблена, и прекрасный евангельский путь откроется собранному наконец воедино христианскому народу.

А посему великая радость была в душе у меня и несомненно у всех остальных, насколько я понял по словам, которыми охранники перебрасывались с моим помощником. Эта радость не давала хлынуть наружу нашим тревогам: про наш путь мы ничего не знали и продвигались наугад. Риссони молчал, прорубать дорогу стоило ему всех сил: вблизи залегали болота, и, прежде чем мы дойдем до цели, надо было не угодить в них.

Я помню, как по лбу у меня стекал пот, и мне беспрестанно приходилось утирать капли левым рукавом, а в правой руке, как и мои попутчики, я сжимал обнаженный меч: ведь мы знали, что в чащобе затаились волки и ягуары.

На пути меня поджидал мой старший патрон кавалер Астольфо Ринальди, ставший теперь благородным министром двора Его Святейшества, Ринальди должен был дать нам последние указания; никто из нас не знал, где мы встретимся с ним: нам было сказано, что он сам в надобный момент отыщет нас. Операция была настолько секретной, что даже мы не могли знать точно все ее этапы.

Прошли мы много, а все еще продирались по этой неприветливой пуце. Солнце уже стояло высоко, что я заметил, подняв взор в просвет меж густейшими кронами. Наверняка сегодня повидаться с моей Морой мне не доведется.

И при этой мысли я увидел, как лейтенант-командор в единый миг провалился в землю и исчез: плывун! Напрасно мы с двумя жандармами пытались дотянуться до него, спервоначала погрузив в ил руки и склонившись на самом краю тверди, потом шарили в адском песке подобранной тут же длинной веткою: командора затянуло слишком глубоко.

– Врата ада! – прокричал, уже не сдержавшись, второй офицер, вице-командор нашего маленького отряда. – Его черт утащ...

Я ледяным взглядом заставил его замолчать и приказал:

– Примите командование отрядом! Встаньте во главе цепочки, да поживее, и отыщите нам другую тропу.

Он подчинился весьма неохотно, что можно было понять по выражению его лица и волоочащейся поступи.

Я обернулся ко всем и добавил:

– Смелее, и не теряйте надежды! – и обвел одного за другим уверенным и горделивым взором.

«Гордыня!» – прозвучало в тот же миг у меня в голове. Я огляделся, чтобы проверить, слышали ли это и все остальные, но вроде бы никто не слышал; я оробел: кто же то слово произнес?

Мы пошли иным путем, долгое время спустя, уже почти к закату, завидели мы на маленькой полянке кавалера Ринальди, он сидел совершенно один.

– Туда, – молвил он и указал нам пальцем, чтобы мы свернули влево на открывавшуюся тропу в нескольких локтях от нас меж высоких и густейших кустов терновника, засим он окинул меня ненавидящим взглядом и убежал прочь в другую сторону будто страшился.

Наконец по той тропе вышли мы вскоре к морю, на побережье из светлейшего, почти белого песка.

Всех нас выбрали за то, что мы хорошо умели плавать, потому как было нам приказано, как только выйдем к воде, войти в пучину и плыть в открытое море, где ждала нас невидимая с берега лодка Петра.

Так, мы побросали на берегу оружие, вошли в воду и поплыли. Солнце покатилося к закату, и волны вскоре окрасились в оранжевый цвет; и лишь тогда с превеликим омерзением увидели мы, как плавают вокруг нас на самой поверхности воды змеи и прочие отвратительные гады, и почувствовали, как какие-то твари задевают нас за щиколотки и за спины. Один тонюсенький гаденьки в желто-зеленую полоску не длиннее моего среднего пальца чуть не заплыл мне в рот. Как будто и того не доставало, налетели на нас тучи комаров, уйма их села нам на лбы и на веки пить кровь. Мы молились и ободряли один другого, и плыли дальше; вдруг вместо лодки Петра разглядели мы к нашему горчайшему удивлению противоположный берег: оказывалось, что не море Чистоты духовной, к которому направлял нас папа, обволакивает наши тела, а плывем мы погруженные в пространную лагуну с соленой водой.

Мы уже почти совсем обессилели, но поплыли к тому берегу, в то время как гады еще большим числом терлись об нас; наконец мы выбрались на пляж.

Что делать ныне? Мы, тяжело дыша, свалилась на песок, но вскоре:

– Вперед! – властно приказал я и вскочил на ноги, влекла меня внезапно накатившаяся горделивость. Уже почти стемнело.

И мы зашагали; но едва мы сделали несколько шагов, как необычно безмолвное землетрясение вмиг разверзло под нами землю, распахнулась пропасть и заглотила Веньеро Салати, который шел рядом со мной, и всех остальных, кроме меня: надо же, в последнюю секунду из молочно-белого марева чудом протянулась ко мне рука с епископским кольцом на пальце, мигом дотянулась до меня и ухватила за шиворот.

И тут я пробудился, у себя в спальне: была еще ночь с понедельника на вторник.

Лишь позднее я осознал смысл этого кошмара. Были там как грядущие события моей жизни, так и будущее мое и моих помощников: сколько-то лет спустя папа Павел IV в соперничестве с равносильными деяниями протестантов опять разжег крайне ревностную охоту на заблудших овец, каковой ужаснее доселе не бывало. Будущий кардинал Габриеле Микели выступил против убийственной воли папы и добился самую малость, чтобы некоторых из подследственных осудили на содержание в застенке, а не на смерть: чтобы вместить всех заключенных, тюрьму инквизиции расширили. Массовые избияния все равно прокатились страшной волной и в числе прочих погубили лейтенанта-командора Анджело Риссони и Веньеро Салати, который за много лет до этого стал верховным судьей вместо меня. Кардинала Микели по непосредственному указу Его Святейшества без суда заточили в темницу и

освободили лишь после смерти одного блистательного папы. Один лишь я уберегся от всяческих гонений, через год после того дантовского сновидения я удалился в затворническую обитель и жил как простой смертный, забытый всеми кающийся грешник, и вот невредим по сей день.

А поначалу смысла иносказания я не уразумел, но что я почувал тотчас и ясно, так это то, что восклицание посередь кошмара – «Гордыня» – было остережением, и что исходило оно от Блага, а не от сатаны.

Глава IV

На следующий день после обеда, когда я нес службу в судебном приказе и отдавал распоряжения лейтенанту-командору, прискакал ко мне один посыльный, сельский стражник из Гроттаферраты. В присутствии охраны он передал мне, что приходской священник его села чувствует себя при смерти и перед кончиной желает поговорить со мной об одном наиважнейшем деле. Он умолял меня не отказываться.

По правде говоря, я в тот день намеревался побывать у Моры. Оттого с большой неохотой и после долгих колебаний ответил я посыльному согласием, да по-иному поступить я и не мог, раз свидетелей вокруг было много: как верховный судья я должен был быть примером чувства морального долга и милосердия. Но попросил его, чтобы он дождался меня, так как скакать в одиночку по опасным дорогам я не собирался, как и не собирался по служебным соображениям отрывать судебную стражу от ее дел; и попросил также – и он меня заверил – чтобы он сопровождал меня потом и обратно в Рим.

Возлюбленную свою я известить не смог; но поскольку не приходится из-за своих обязанностей мне было не впервой, я был уверен, что беспокоиться она не станет. С другой стороны, она прекрасно знала, что обязана мне всем, и никогда ни на что не сетовала.

По пути с нами ничего дурного не приключилось, и к вечеру мы доехали до села.

Стражник повел меня напрямик к дому священника. Нам открыл молодой священник, который заметно вздрогнул, когда я представился.

– Святой отец только что исповедался, и он еще в сознании, – приглушенно сказал мне священник, пока вел нас вверх по лестнице в комнату своего наставника. – Я уже причастил его и соборовал, и это как будто придало ему сил, потому как речь его стала громче и отчетливее.

«Это улучшение, которое обычно предшествует смерти», – невольно подумал я; и тотчас меня охватило смятение: как добрый христианин я верой признавал чудотворные свойства елеса; так отчего же пришла мне в голову такая богохульная мысль? Сомнений не было, наверняка, черт насрал. Может не хочет, чтобы я разговаривал со священником? Я перекрестился и зашептал молитву прямо в тот момент, когда входил к умиравшему, за мной вошли молодой священник и стражник, который поднялся вместе с нами. Они наверняка подумали, что я читаю молитву за умирающего, что, впрочем, я и намеревался сделать.

Обставлена крохотная комнатка была скудно: монашеская скамья, несколько деревянных необструганных книжных полок, да три сколоченных доски на козлах, которые служили кроватью, на доски была набросана солома. Комнату с трудом освещали две свечи.

Приходской священник как будто дремал; но на наши молитвы открыл глаза и с облегчением на лице повернул голову в мою сторону, услышался его стон.

– Это вериги, – прошептал мне на ухо молодой священник, как только я завершил молитву, – он их много лет носит и не захотел, чтобы я снял с него бремя даже ныне.

– Выйдите и оставьте нас одних, – велел я ему. – И ты тоже, – обернулся я к стражнику, – сегодня о возвращении и речи быть не может. Переночую тут. Приходи сопроводить меня в Рим на заре; а тем временем испроси на то дозволения у бургомистра, соились на меня.

Когда мы остались одни, священник сделал мне знак подтащить скамью к его убогому ложу.

Как только я уселся рядом, он повел рассказ; и чем дальше он рассказывал, тем шире раскрывался у меня рот.

Он поведал мне об Эльвире, той ведьме, против которой он давал показания несколько лет назад.

Эльвира, еще в юных летах, преодолев всяческие напасти, пришла из Беневенто, из того города ведьм, в окрестностях которого, как рассказал демонолог Спина в своем трактате, они собираются под ореховым деревом и вершат одни ужасные дела и замышляют другие. Мать Эльвиры была одной из них. Я уже знал о той ведьме, читал про нее в книге ученого доминиканца. Как-то раз сидела она как стервятник на нижней ветке орехового дерева, разведя ноги, и проходил там в одиночку молодой купец, был он горбуном, но очень красивой наружности, и речи вел как дворянин; завидел он ведьму, которая была, между прочим, женщиной очень красивой, хотя и не совсем молодой, выставленное напоказ срамное место возбудило его, и он завел с нею похотливый разговор. Она тоже тут же воспылала к нему желанием, но воспылала по зову самой скотской противуестественной бесовской похоти, и пообещала, что навсегда уберет у него горб, если он согласится удовлетворить ее желание. Так и случилось. После чего купец пошел дальше в Беневенто, он остановился в харчевне, вкушал с трапезникам яства и стократно с жаром подымал чарку, весь раскраснелся от удовольствия, и прежде чем проследовать далее своим путем, рассказал, что с ним случилось под орехом, много раз показывал спину, поворачивался то одним боком, то другим, чтобы все хорошенько разглядели, и клялся, что до похотливой встречи с колдуньей на спине у него был большой горб. После чего, посмеиваясь, ушел навстречу своей неведомой судьбе, и власти не успели допросить его. И так, не смогли узнать, как выглядела похотливая колдунья, чтобы арестовать ее и отдать под суд. А тем временем слух мигом разлетелся по городу, и один кузнец, тоже горбун, отправился к ореховому дереву в надежде встретиться там с прекрасной колдуньей и тоже понаслаждаться вящей страстью, о которой хвастался купец, а прежде всего, чтобы ему навсегда убрали горб. Ведьму он встретил, но был кузнец так уродлив ликом и так вонял перегаром от излишеств питания, что ведьма разгневалась и не только не стала совокупляться с ним, да к тому же, вместо того, чтобы убрать у него горб, насадила ему на его горб еще и горб купца. Бедный кузнец вернулся на городскую площадь в потрясении и рассказал всем, кто там был о своем несчастье. По разумению одних горб у него и вправду стал вдвое больше; другие полагали, что горб стал больше всего ненамного; а третьи считали, что – но по мнению Спины они хотели только лишь утешить несчастного и правды ему не говорили – горб каким был таким и остался. Два городских стражника у входа в муниципалитет услышали пересуды и немедля задержали рассказчика. Вскоре местный инквизитор заполучил от кузнеца внешнее описание ведьмы, и потому как дознаватель знал всех своих горожан, он сразу же опознал ее в лице некоей целительницы и повитухи, о которой ходила недобрая молва. Так, вскоре городская стража арестовала ее у нее дома: инквизитор сразу догадался, что поскольку она, как все ведьмы, умела летать, она должно быть прилетела домой раньше, чем дошел до Беневенто несчастный заколдованный кузнец. Из трактата Спины следовало, что дочь той ведьмы, незамужней, была без всяких сомнений плодом совокупления женщины с чертом, и люди об этом сразу же догадались, изловить дочь все же не удалось. От приходского священника я узнал, что в момент ареста матери девушки дома не было, а когда она вернулась, люди видели, как ее силой затащил в свою лавку молодой городской портной, еврей, которого в городе недолюбливали и частенько поносили, и который укрывал ее из сочувствия к гонимым, а еще потому, что красота девушки его давно зачаровала. Пока Эльвира пряталась у него лавке, ей пришлось мучительно страдать, слыша как жутко кричит мать, которую пытали в темницах суда неподалеку; всего лишь через два дня женщину приговорили к костру, и, чтобы утихомирить бесившуюся чернь, без промедления сожгли, не одарив жалостью удушения, дабы народище, наслаждаясь ее криками, полнее оценил свершившуюся справедливость. Был вечер, и воспользовавшись тем, что возбужденные горожане сбегались к костру, девушка бежала из города, а вместе с ней скрылся и портной, который города уже терпеть не мог, а главное он испытывал нежные чувства к расцветавшей юнице и посему предпочел уйти из Беневенто. Эльвира издали видела, как мать пылала на костре и слышала ее последние душераздирающие

крики. Молодые люди стали жить вместе бродячей жизнью, портной шил одежды, переходя из города в город, а Эльвира торговала соломенно-золотистой настойкой, на вкус изысканнейшей, уверял священник, который не раз пробовал ее, а делать настойку Эльвиру научила мать. Все это Эльвира сама позднее рассказала протоиерею, к которому она в конце концов пришла беременная и претерпев всяческие мятарства, она попросила у него приютить ее: она только что бежала из разбойничьего стана, где ее много лет держали в рабстве, так как однажды у дороги их с портным схватили, и портного убили. Священник сжалился над ней и нашел ей место служанки в благочестивой семье нотариуса, где она смогла спокойно произвести на свет девочку, которую ей разрешили оставить жить у себя на чердаке и растить ее. К сожалению, жил с ними брат главы семьи, он тоже был юристом, но норова он был совсем другого: лентяйничал, едва дотянул до ученого звания, заниматься делом не желал и прокутил все отцовское состояние. В то время из сострадания содержал его и одевал брат, пока пытался подыскать ему приличное занятие, и стоило ему это больших усилий. Как только после беременности Эльвира выправила статью, тот развратник воспылил к ней желанием и попытался овладеть ею силой; но Эльвира телом была мускулиста и сильна, да еще более закалила ее бродячая жизнь, в потасовке она переборола его и оглушила подсвечником. На крики служанки прибежала к концу потасовки хозяйка дома и все видела. Разорванная на девушке одежда и синяки не оставляли сомнений в виновности развратника; но ведь он был нотариусу братом. Что же делать? Те добрые христиане не хотели, чтобы девушка и далее терпела злые намерения брата; но ведь он все равно был родней. Думали да гадали, думали да гадали, и наконец дали ей денег, на которые она могла уйти из дома, а по возможности и из села. Но несчастная Эльвира, дочка у которой была еще совсем маленькой, предпочла поселиться в хибарке на опушке леса. Здесь она стала заниматься перенятым от матери искусством – делала и продавала настойки и целебные отвары да помогала селянкам при родах: избранное ремесло и стало главной причиной ее беды; но сказалось также и то, что она занималась продажей перелетных птиц, которых умела ловить в сети и держала в большой клетке в ожидании покупателей.

Четырнадцать лет Эльвира прожила довольно спокойно. По правде говоря, кое-кто, бывало, именовал ее в шутку ведьмой; но гонений на нее не было. К ней даже не раз сватались. Но к мужчинам она питала отвращение и от всех предложений отказалась.

Попервоначалу дважды ей пришлось вывертываться из рук брата нотариуса, который не раскаялся и приходил к ней заключить ее в объятия, но облапить ему Эльвиру не удалось, так как Эльвира всегда от него оборонялась. Оттого он возненавидел ее люто, в то время как желание его к ней возросло настоль же неумно. К счастью, в конце концов родня нашла ему должность в Риме, и он уехал, оставив Эльвиру в покое.

В числе ухажеров Эльвиры был и тот деревенский пьяница Ремо Бруначчи, который погубил ее, она всегда со смехом прогоняла его. Когда он под винными парами пришел к священнику и заявил, что Эльвира колдовством отняла у него мужской член, священник понял, что он просто-напросто пьян и что исцелит его воздержание от питания. Поэтому священник сделал вид, что проверяет у него промеж ног, будто мужских принадлежностей и впрямь нет, а потом запер Бруначчи в конурке, чтобы он протрезвился, благодаря и испитию большого количества воды: простой воды, не освященной, это протоиерей приплел про освященную воду, чтобы Бруначчи приободрился. Последствий священник не предусмотрел. В селе насчет Эльвиры зашептались, потом послышались возгласы, что ее надо изловить. Хуже того, в те дни приехал в село навестить нотариуса судья Астольфо Ринальди.

– Ринальди! – эхом воскликнул я при имени моего старого патрона, прервав тем рассказ умирающего.

Это он был братом нотариуса. Благодаря влиятельным родственникам невестки его взяли на службу в римский суд, где он дослужился до высшей должности. Может именно он,

спросил я себя, потом опустил анонимное письмо в специальный ящик инквизиции в Риме? Из мест? Впрочем, приходской священник тоже, испугавшись как складывается дело, а в особенности грозных взглядов, которые судья бросил на него перед самым отъездом, в свою очередь принес в сельскую жандармерию свой официальный донос, который сразу же отправили в Рим. Священник струсил, он побоялся заплатить собственной жизнью, более того, рассудил, что так скорее всего и будет, ведь он станет не первым священнослужителем, которого арестуют, будут пытаться и осудят за соучастие в колдовстве. Остальное я знал, я сам довел дело до необратимого конца. От угрызений совести за лживые показания, тем более, что дал он их в клятве перед Богом, приходской священник после суда стал жить в нищете в той конурке, где сидел в свое время Бруначчи, стал носить вериги, стал подвергать себя всяческим унижениям, отказался от каких бы то ни было радостей, даже самых невинных. Перед смертью, поскольку отпали все опасения, которые сковывали его впоследствии – пусть то были всего лишь муки совести, – он наконец решился уведомить меня, потому как пострадал еще один человек, на этот раз Мариетта, белокурая, хорошенькая подросток дочка Эльвиры. Когда святой отряд стражи постучал в дверь, мать догадалась, что нагрянула беда, она спрятала Мариетту под кровать, шепотом наказав ей ни в коем случае не шевелиться и не испускать ни звука, что бы ни случилось. После того, как инквизиторы увели Эльвиру, девчонка вылезла и, не зная кто забрал мать, побежала к приходскому священнику, и объявила, что мать похитили. Протоиерей знал про арест, разъяснить девочке ничего не стал, более того, он сказал ей, что для Эльвиры уже ничего сделать нельзя – уж давно было известно, что для этого никаких жандармов не хватило бы! – и поэтому пусть девочка перестанет терзаться. В тот же день он устроил Мариетту служанкой в одну крестьянскую семью. Но после казни матери, Ринальди вернулся в Гроттаферрату с тремя стражниками римского суда, взял под стражу Мариетту под предлогом продолжения дознания и увез ее в Рим. Может быть, нанеся удар и дочери, он хотел отомстить матери? Священник просил меня во имя справедливости разобраться в деле, и на законных основаниях, которых он не знал, если окажется, что совершено преступление, наказать виновного; а главное, разузнать по возможности, что стало с девочкой, и если она еще жива, уберечь ее от прочих злоключений. Только так он сможет умереть спокойно.

Я пообещал умирающему, что постараюсь по мере своих сил восстановить справедливость.

Весь остаток ночи я проворочался в постели в богато обставленной комнате, где священник проживал раньше, и даже под мягчайшими простынями и на удобном матрасе не сомкнул глаз.

К полуночи священник представился, я расслышал, как молодой священник бормотал молитвы, но не встал и не присоединился к нему.

Охватило мою душу ощущение великой усталости. Я не чувствовал угрызений совести за несправедливый приговор Эльвире, ведь я действовал, как всегда, по закону и по совести; но тяготила душу докучливая тревога и едва ощутимая тошнота, которая не отступила до самого утра.

Глава V

С восходом солнца я совершил молитву над телом приходского священника и отправился в путь; отправился один, не ожидая прихода стражника. Выехал, не подумав; но, рассуждая здраво, я сейчас чаю, что – хоть разум мой это и отрицает – в лице великой опасности тогда возвращаться в одиночку я неосознанно желал накликасть на себя кару. С другой стороны, обладал я – и обладал все свою жизнь – большой физической силой; я отлично умел сражаться на мечах и на кинжалах, носить которые у меня, как магистрата, было право. Ведь мой отец, как только меня приняли на службу, послал меня брать уроки к своему заказчику, учителю фехтования Хосе Фуэнтесу Виллате, мужчине худосочному, но крепкому и очень высокому ростом, почти на локоть выше меня, что для жителя Средиземноморья очень редко: он в свое время был очень способным личным телохранителем Александра VI, а после смерти Борджиа зарабатывал себе на жизнь, давая уроки в своей школе фехтования. С некоторого времени, будучи уже немолодым, но все еще искусным фехтовальщиком, он встал во главе личной охраны бывшего судьи Ринальди.

В общем, выехал я один и особых опасений не испытывал.

А вот власть предержащих я остерегался: ведь нападение придорожного разбойника – опасность пустяшная по сравнению с неприязню хотя бы одного из вышестоящих, который невзлюбит тебя и начнет притеснять? Астольфо Ринальди добился большой власти. Вот кто станет поистине опасным, если я начну действовать против него. Войдя в круги Бартоломео Спины, а значит и его покровителя Джулио Медичи, еще до того как Медичи стал Климентом VII, Ринальди выслужился до должности верховного судьи; позднее после разграбления Рима, когда меня назначили вместо него, его повысили до кавалера-дворянина и определили почетным министром двора при покоях Его Святейшества. Ему доверяли множество высоких поручений, как дипломатических, так и частных, и даже, шептались в кулуарах, возглавлял он тайные миссии. К тому же, еще со времен своей службы в магистратуре, пользовался он дружеским расположением очень влиятельного князя Турибио Фьорилли ди Бьянкакроче, человека вельми богатого, первого секретаря папского кардинала сборщика податей и казначея; Бьянкакроче, по сути, тоже стоял во главе налогового и казенного ведомства и был также предводителем территориального ополчения, протосоветником по общественному порядку и мирским глашатаем папы-государя.

Астольфо Ринальди я давно знал как человека жадного до суммы, по примеру своего сотоварища и покровителя Бьянкакроче. Еще когда был магистратом, он сумел накопить огромное богатство. Он делал шикарные подношения Клименту, тому папе, которого после смерти прозвали злополучным папой, он тоже был охоч до денег и жаждал похвал, на которые судья не скупился; и за все это, само собой, вознаградилось кавалеру Ринальди жизненным успехом.

На самом деле в начале моей карьеры я Ринальди не распознал, я был молод и алкал справедливости, и брал его за пример; но сколько-то времени спустя он заметил мою самоотверженность, он, наверное, принял ее за малодушное прихвостничество и открылся мне чуток: как-то раз после обеда сидел он особо навеселе, ибо по тому, как он пыхал перегаром изо рта было ясно, что выпил за обедом более, чем следовало; он сказал мне тогда:

– На охоте на ведьм все наживаются: я, вы... все! Это же всем навар: стражникам, тюремщикам, писцам и канцеляристам, надзирателям, палачам; дровосекам, плотникам, разжигателям костров; ну и... нам, судьям. – Он подмигнул мне. – Да здравствуют окаянные бабы! – добавил он и вознес к небу руку, будто держал в ней заздравную чарку. – ...а политическая выгода? Власть и мушкетеры делают, что захотят, а вину за все лиха валят на ведьм. А то можно и на евреев, на “мерзопакостных христовых убийцев”; а лавочники? Это же выгодно, если чернь на них поднимется! Это же милое дело, если, когда князь уменьшает содержание

драгоценного металла в монетах, в этом обесценивании обвиняют бедняг лавочников, которые вынуждены повышать цены и кажутся причиной зла; а следом выходим на сцену мы, чтобы предать их всенародно позору и утихомирить простонародье, и может стать время от времени кого-то из них и вздернуть. Это же идет на пользу общественному порядку, дорогой Грилланди! Это же спокойствие верхам: кардиналам, князьям, банкирам! Это все промысел, дорогой мой, а мы верные слуги беспредельной власти. Не гордится у вас душа?

Меня затошнило. Сколько-то дней я носился с мыслью бросить все и заняться адвокатским ремеслом. Я хорошо помню, как спросил себя, бывало ли, что судья Ринальди, раз он так на мою папку, в некоторых случаях за вознаграждение повлиял на приговор. Я действительно вспомнил, что не раз, когда я, несомненно, приговорил бы к сожжению на костре, он вынес приговор о застенке. И наоборот, в случаях, когда по моему мнению хватило бы и тюрьмы, мой глава осудил на костер. В частности, запечатлелся у меня в памяти неизгладимый случай Джаннетто Спигини, одного богатого человека из купеческого сословия, служил он на недворянской должности при папских финансах, эту общественную должность он купил давно, чтобы возвысить свой социальный престиж.

Дело его попало мне в первые времена моей карьеры, когда еще велико было мое уважение к Астольфо Ринальди.

Спигини я знал до процесса, так как жил он в своем роскошном особняке напротив жилища, которое я арендовал, мы здоровались с ним, и порой со своего балкона он снисходил до легкомысленной беседы со мной. Был он человеком непринужденным и порывистым, и, по правде говоря, даже чудным настолько, что подчас казался мне и вовсе придурковатым, как когда усаживался на балконе без рубахи, чтобы насладиться, по его словам, воздействием благотворных лучей солнечного светила. Однажды летним вечером я вышел на балкон подышать воздухом и застал его на балконе своего дома, он стоял, навалившись на перила, на лбу залегли хмурые морщины, рот скривился в гримасе отвращения. Он завидел меня и, даже не поздоровавшись, вспылливо заговорил:

– Господин любезный, а справедливость-то где?

Я подумал, что он философствует о мироздании вообще и улыбнулся.

– Да улыбаться-то нечему, блистательный судья Грилланди! Вы, простите великодушно, молоды еще: есть на этом свете такие мерзости, что вы и представить себе не можете. Вон князь Бьянкакоче, который ворует без зазрения совести, знаете его?

– Лично нет, но имя, конечно же, известно, – с превеликой неохотой отозвался я.

– Я подозреваю, даже нет, я почти уверен, – продолжил он, не дожидаясь, когда я договорю последнее слово, – что он не только сам ворюга, этот хромоногий коротышка лично тайно управляет разбойниками в окрестностях Рима, это он неведомая особа, о которой шепчутся, что оберегает их из Рима, и имя которой никто не раскрыл или не хочет раскрыть. Я сам видел вот этими своими глазами, как он нагло принимал аж в папском казначействе трех типов с отвратительными рожами, все трое с виду разбойники, один из них однорукий, а у других двоих морды в рубцах, проводила их к князю его же личная охрана, и от каждого князь получил по полному мешочку, в которых, судя по шуму, звякали монеты, а потом он прошептал чего-то на ухо одному из троих, тому, что должно быть был главарем, словно вышептывал тайные сведения, и в конце спокойно отпустил их.

– Так то, прощения прошу, – попытался я поправить его, – они, наверняка, просто-напросто подати платить приход...

– ...да какие там подати! Я же там служу, ведь я знал бы, верно? А я к тому же проверил, князь унес их с собой, эти денежки; а еще бывало, что вот выедет он за городские стены со своей личной охраной и пустую телегу за собой волочит неизвестно зачем, а возвращается – полна телега?

– Так просто за провиантом для своей кухни ездил, может же быть? – отозвался я раздраженным тоном.

Тут он, наверное, понял, что лишнее сказал, вздохнул и ушел в дом.

«Как смеет этот простой горожанин Джаннетто Спигини обвинять всемогущего дворянина Турибио Фьорилли, князя Бьянкакоче? – спросил я себя. – Он, никак, обезумел», – ответил я сам себе и постарался выкинуть его слова из головы.

Но Спигини, должно быть, повел разговоры и с другими. И верно, меньше, чем через месяц его арестовали по велению Ринальди и обвинили в колдовстве. «Так вот отчего, – подумал я, – Спигини наговаривал на князя и сидел полуголый на балконе: не от безумия, а потому как он приспешник сатаны».

И все же, хотя мой патрон свирепствовал над ним пытками ужасными и столь пречастыми как никогда ранее, понадобилось три дня, чтобы сломить подследственного и чтобы он признал какие-то малости, то есть, что он, когда был юнцом и только лишь несколько раз, взмолился черту и что он читал «Каббалу», но лишь для учения: признания было достаточно, чтобы судья Ринальди отправил его на костер, невзирая на мое гораздо более умеренное предложение приговорить к одному году содержания в застенке и к штрафу. Поскольку арестовали Спигини мы, инквизиция прислала всего лишь двух доминиканцев присутствовать на мирском процессе и по их отчетной грамоте попросту вынесла позднее свое решение о религиозной виновности. Все имущество Спигини конфисковали и выставили на аукцион в пользу папской казны. Жену и дочь осужденного изгнали из Рима и навечно заключили в монастырь служанками. И подумать только, что я не раз заглядывался на его дочку, которая была богатой и красивой и на мое счастье не дворянкой, она казалась мне отличной будущей женой, и она тоже бросала на меня красноречивые взгляды! Слава богу, что к тому времени, когда ее отца арестовали, руки ее я еще не попросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.